

В.Н. Аношкина

Жизненный путь поэта

Биография Фета содержит несколько неясных моментов и разночтений фактов. Его происхождение связано с романтической историей любви орловского родовитого помещика Афанасия Неофитовича Шеншина к урожденной Шарлотте Беккер, с которой он встретился в Дармштадте в начале 1820; восемнадцатилетняя женщина оставила своего мужа И. Фета и уехала с Шеншиным в Россию, обвенчавшись с ним по православному обряду. Афанасий, будущий поэт, родился между 29 октября и 29 ноября 1820. Усилия родных были направлены на то, чтобы уберечь репутацию матери и не повредить судьбе сына. Отсюда противоречивость свидетельств о происхождении Фета. Но все это только осложнило его жизнь, и в четырнадцатилетнем возрасте он оказался лишенным фамилии Шеншина, так как родился до православного освящения брака, получил фамилию Фет, утратил все привилегии старинного дворянского рода, гражданства и даже национальности. Это явилось причиной душевных переживаний поэта и его длительных усилий, направленных на возвращение русского дворянского имени, которым он по праву дорожил.

Важнейшим источником, по которому воссоздается биография поэта, являются его мемуары, созданные во второй половине жизни, а завершенные на ее закате. Они раскрывают самосознание Фета — русского барина, предпочитающего деревенскую усадебную жизнь городской. Его детство прошло в Новоселках, недалеко от Мценска, в атмосфере патриархальной усадьбы с ее обычным для той поры общением не только с многочисленной родней, соседями-помещиками, но и с крестьянами; здесь и удовольствия от жизни на природе, и первое прикосновение к искусству — народным сказкам, сказаниям, песням и к поэзии XVIII в.; здесь и первые поэтические опыты.

Безоблачное, счастливое детство сменилось обучением в немецком пансионе города Верро (в Эстонии), а затем, с 1838, в Московском университете. Круг общения Фета этого времени составляли профессор Московского университета, известный историк М. Погодин, близкий ранним славянофилам, семья Григорьевых. Ап. Григорьев, в дальнейшем поэт, литературный критик из «молодой редакции» «Москвитянина», стал его самым близким другом. Не отличаясь особым усердием в овладении университетскими науками, Фет увлекался, как и его друг, театром, оперой, вообще музыкой, а также поэзией, особенно Гёте и Шиллера, был свидетелем увлечений молодежи в кружке Ап. Григорьева философией Гегеля; но кумиром молодых друзей был нашумевший и поражавший своими поэтическими новшествами В. Бенедиктов.

Еще в студенческие годы, в 1840, Фет издал свой первый сборник стихотворений «Лирический пантеон»; талант молодого автора был замечен Белинским, но появились и отрицательные отзывы о сборнике. С начала 1840-х Фет стал постоянно печататься в «Москвитянине», затем в «Отечественных записках» и «Современнике». Начинающий поэт вошел в круг литераторов 1840–50-х, в котором были Ап. Григорьев, Я. Полонский, Н. Некрасов, И. Панаев, И. Тургенев, И. Гончаров, Л. Толстой, А.К. Толстой, А. Дружинин, В. Боткин и др. Впоследствии Фет сблизился с Н. Страховым, В. Соловьевым, великим князем Константином Романовым. С некоторыми из названных лиц поэта связывали длительные дружеские, хотя и не лишённые конфликтов отношения.

В 1850 вышел второй сборник стихотворений поэта, который редактировал Тургенев; сборник заслужил хвалебные отзывы Боткина и Дружинина. В это же время (после окончания университета) Фет проходит военную службу; он мечтает дослужиться до чина, дающего дворянское звание, однако мечте его не суждено было осуществиться, так как присвоение дворянства все более и более отодвигалось, связываясь в конце концов с чином полковника, а Фет дослужился только до чина штабс-ротмистра гвардии. В 1856

Фет вышел в отставку. В его мемуарах много страниц отведено перипетиям военной службы, которую он нес мужественно и терпеливо, проявляя выдержку, твердость характера и дисциплину. Во время Крымской войны Фет служил в уланском полку, охранявшем побережье Балтийского моря; Россия находилась в состоянии войны с коалицией, в которую входила и Великобритания; в то время считали возможным нападение английского флота и на Севере России.

В 1857 Фет женился на Марии Петровне Боткиной, сестре литературного критика, дружелюбно к нему настроенного. Этот поступок Фета снова получил разные толкования.

Мемуары Фета не свидетельствуют о какой-либо большой роли женщин и любовных страстей в его жизни. Судя по его автобиографической прозе, у него было, скорее, эстетическое отношение к женщинам: он охотно отмечал их красоту, особенности внешнего облика, эскизно намечал характеры и однажды заметил, что всегда чувствовал грань возможного сближения. Его увлечение Марией Лазич, сербкой по происхождению, названной в мемуарах Еленой Лариной, девушкой весьма образованной, талантливой пианисткой, игру которой слышал и одобрял Ф. Лист, выглядит в мемуарах лишь как дружба, хотя в поэзии эта трагическая любовь отозвалась прекрасными стихами, в которых слились страсть, боль утраты, трагизм раскаяния. Фет, не обладавший, как ему казалось, достаточным состоянием и общественным положением, не решился жениться на Марии Лазич, которая, он знал, также была бедна. Она была в отчаянии, но тщательно скрывала это. Ее трагическая кончина, полагают, могла быть и самоубийством — она сгорела от вспыхнувшего на ней платья, воспламенившегося из-за брошенной на пол не потушенной спички. Фет очень скупко сообщает об этом тяжелом эпизоде в его жизни.

Мария Петровна Боткина, по мемуарам писателя, серьезная, чистосердечная и добрая девушка, не обладала большим капиталом, хотя отец, богатый чаоторговец, и наделил ее приданым. Фета сближало с Боткиной духовное родство, мучающее молодых людей чувство одиночества, и брачный союз был заключен. Мария Петровна сделалась верной подругой Фета до конца его жизни. Высказывалось мнение, будто поэт женился на Марии Петровне из-за богатства. Однако скромный образ жизни семьи не подтверждает этой версии.

Остальное время жизни Фета протекало в основном в усадьбах: сначала он поселился снова в Новоселках, затем переехал в Степановку и позже в Воробьевку. С этими местами связаны и его периоды жизни. Фет оказался соседом Тургенева и Л. Толстого, он сумел навестить и А.К. Толстого. Фетовский домашний уклад напоминает их образ жизни. Фет тоже занят устройством усадебного быта, отношениями с крестьянами, противоречивыми, не устоявшимися в послереформенное время. Его любимое развлечение — охота, и мемуары поэта оказываются убедительным контекстом к «Запискам охотника» Тургенева, крестьянской теме в произведениях Л. Толстого. Фет — рачительный хозяин, практик, во все вникающий, желающий упорядочить новые отношения помещика с теперь уже наемными рабочими-крестьянами. Долгое время он выполняет обязанности мирового судьи, стремясь к справедливому решению возникающих в процессе судопроизводства проблем.

Его дела шли успешно, и это давало все большую возможность заниматься литературой. В 1856, 1863 вышли в свет его сборники стихотворений, а с 1883 начинают печататься «Вечерние огни»; были изданы четыре сборника с таким выразительным названием и подготовлен к печати пятый. Незаурядный поэтический дар Фета получил признание взыскательных ценителей поэзии. В частности, его стихами восхищался В. Соловьев.

О своих социально-политических убеждениях Фет не любит говорить в автобиографической прозе. Его конфликты с Тургеневым нередко происходили из-за крайностей, как казалось Фету, западничества писателя, поэт же ощущал и ценил свою приверженность русским устоям. «Смешно же людям, — говорил он в мемуарах, — интересую-

ющимся в сущности друг другом, расходиться только на том основании, что один западник без всякой подкладки, а другой такой же западник только на русской подкладке из ярославской овчины, которую при наших морозах покидать жутко». Называя себя «западником», Фет, скорее всего, имел в виду свою социально-экономическую деятельность в селе, но не духовную сферу жизни. Конечно, он отнюдь не был отчужден от западноевропейской культуры. Владея европейскими языками, особенно немецким, он много занимался переводами выдающихся немецких и латинских авторов. В этом одна из его выдающихся заслуг как поэта. Он перевел ряд сочинений Шопенгауэра. Вместе с тем Фету не было свойственно тяготение к Западу, к путешествиям по европейским городам. Он выезжал дважды, но никаких восторгов по этому поводу не выражал, более того, его обременяло зимнее пребывание в Италии, он стремился поскорее вернуться на родину. Крым вызвал у него несравненно более сильные поэтические эмоции. По словам Фета, он вообще не любил путешествовать, ему нравилось жить в своей деревне — Степановке или Воробьевке, быть на природе, заниматься хозяйством, общаться с близкими людьми и досуг посвящать литературной работе. В Фете удивительным образом сочетались твердость характера, последовательность решений, верность избранному жизненному пути, постоянство вкусов, разумная практичность и почти не выражаемая внешне утонченно-эстетическая духовная жизнь. Лишь его постоянное пристрастие к музыке, о которой он снова и снова говорит в своих мемуарах на протяжении всего повествования, приоткрывает богатый душевный мир поэта — сферу невыразимого.

Фет отнюдь не был равнодушен к этической стороне жизни и все ситуации реальности рассматривал с этико-эстетической точки зрения. Но некоторый этический релятивизм ему был свойствен, и он считал нужным заявить однажды, что далеко не всегда отличает добро от зла. Фет сравнил два нравственных типа — Толстого и Боткина. Не сводя «две этики» к понятиям эгоизма и альтруизма (самоотрицание) и зная о сложных сочетаниях того и другого в своих друзьях, он выделил в Толстом прирожденное чувство самоотрицания в пользу другого, «всей одушевленной братии, способной страдать», и с глубоким уважением аттестовал этот нравственный принцип, не чуждый и ему самому. Но, пожалуй, все же ближе ему был тип Боткина, который отнюдь не отвергал благотворения и помогал нуждающимся, но не терпел ущемления своего «я» и, не делая целью жизни благо для других, предавался радости «мимолетного» бытия и, подобно древнему римлянину, хотел и перед смертью наслаждаться всем прекрасным, что может дать жизнь, — розами, музыкой, стихами, лакомыми блюдами — таковы перечисления Фета, описавшего последние дни жизни своего друга.

Кончина самого Фета тоже таит в себе нечто непроясненное. У поэта было свое отношение к смерти, он боялся не ее, а предсмертных страданий и даже допускал возможность вмешательства ради искусственного их прекращения. Страдая от тяжелого бронхита и не в силах от нег избавиться, он, кажется, хотел с помощью бокала шампанского освободиться от мучительного бытия. Фет скончался в своем московском доме 21 ноября 1892.